

Т. А. Сидорова, Е. Н. Егорова
**ЛИНГВОПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ РОО «АЛЭКС»)**

Sidorova T. A., Egorova E. N.
**LINGVO-LEGAL SPACE OF THE TEXT: FORMULATION OF THE
PROBLEM
(ON THE MATERIAL OF ANALYSIS OF LINGUISTIC EXPERTISE
REGIONAL ORGANIZATION
'ASSOCIATION LINGUISTS-EXPERTS ON COMMUNICATION
DISPUTES')**

В статье на основе анализа лингвистических экспертиз рассматривается вопрос о составляющих лингвоправового пространства текста, которое можно смоделировать как уровневую структуру языковых и собственно дискурсивных средств. Делается вывод о том, что реконструкция лингвоправового текстового пространства позволит определить основную интенцию автора и/или коммуникативное намерение говорящего (если текст представляет собой запись устной речи), описать нюансы значений инвективной лексики, так как при определённых ситуациях бранные лексемы могут менять свою направленность.

The article deals with the problem of the text lingvo-legal space components on the basis of analysis of linguistic expertise, this space can be modeled as a level structure of language and discourse means. It is pointed out that the reconstruction of lingvo-legal text space will determine the underlying intention of the author and / or communicative intention of the speaker (if the text is a record of oral language), describe the nuances of meanings of invective words because in certain situations abusive words can change their direction.

Ключевые слова: лингвоправовое пространство, юридизированность, конвенциональная юридизация, окказиональная юридизация.

Key words: lingvo-legal space, juridization, conventional juridization, occasional juridization.

Задача этой работы – доказать неоднородность процесса юридизации на основе моделирования лингвоправового пространства текста. В качестве иллюстраций поуровневой структуры лингвоправового пространства используются фрагменты трёх лингвистических экспертиз, проведённых РОО «АЛЭКС».

Теоретическую базу нашего исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные различным аспектам исследования речевой коммуникации: а) прагмалингвистика (G. Lakoff, Н. Д. Арутюнова, Т. Г. Винокур, Г. П. Грайс, Т. А. ван Дейк и др.); б) прагматические аспекты оценки (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Е. С. Кара-Мурза, В. Н. Телия и др.); в) когнитивная лингвистика (Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачев, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов и др.); г) лингвоконфликтология (Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, М. А. Грачев, Г. В. Кусов, В. С. Третьякова и др.).

Исследование осуществляется с позиции многоаспектного подхода к изучению текста / дискурса, соответствующего современному конструктивному направлению, интегрирующему разные парадигмы знания (Е. С. Кубрякова). Принцип антропоцентрического подхода используется в исследовании содержательного аспекта анализа конфликтного дискурса при описании коммуникативного концепта с учетом

целей коммуникации. Структурно-семантический подход помогает определить особенности формы и семантики языковых средств в их единстве. Коммуникативный подход позволяет учитывать цели, мотивы, намерения автора и прагматический эффект, а также обнаружить механизм зависимости языковой (речевой) формы текста от целеустановки автора. Полевой подход даёт возможность исследовать структуру лингвоправового пространства текста и категории неприличности.

Лингвоправовое пространство определяется нами как категория, характерная для конфликтного текста. Это совокупность лингвистических средств, подвергшихся юридизации. В процессе юридизации языковых средств можно выделить два вида: конвенциональную и окказиональную.

Конвенциональная юридизация языковых средств обусловлена представлениями концепта <словесное оскорбление> в правовом дискурсе (юридических документах, законах, кодексах). Поэтому к факторам конвенциональной юридизации языковых средств относим *способ нанесения вреда* общественным или межличностным отношениям, *адресную направленность* речевого действия оскорбления, *речевую тактику унижения* чести и *умаления достоинства* лица. Следует иметь в виду, что для адресата важен и сам результат воздействия речевого акта на окружающих, поскольку речевое действие осуществляется публично. Поэтому вектор юридизации может быть определён как *изменение или искажение социального облика лица*, что часто объективируется в вопросах лингвисту-эксперту. Языковые средства, маркирующие названные признаки, также следует отнести к конвенциональным юридизированным средствам.

К факторам **окказиональной юридизации**, на наш взгляд, можно отнести маркеры агрессивных стратегий коммуникации (явных и скрытых), подтекстовую и пресуппозитивную негативную информацию, размещение негативной информации в сильных текстовых позициях, ключевые слова, приёмы оживления внутренней формы, прецедентные тексты, актуализирующие негативную информацию об адресате, окказиональные номинации, содержащие негативную информацию об адресате, манипулятивные приёмы, воздействующие на подсознание адресата, серийность статей с одним адресатом и др.

В лингвоправовом пространстве центральное место занимают конвенциональные юридизированные средства, периферию составляют окказиональные юридизированные языковые средства. Промежуточное положение занимают языковые средства, подвергшиеся юридизации в публицистическом или разговорном дискурсах, но прямо не названные в юридическом дискурсе. Например, такой признак, как *умысел* может актуализироваться коммуникативными стратегиями, тактиками, шагами, маркированными языковыми средствами. К окказиональным юридизированным языковым средствам, на наш взгляд, следует отнести и возникновение в слове эмоциональной напряжённости под влиянием конфликтной ситуации (когда нейтральное слово воспринимается как оскорбительное).

Чтобы воспроизвести юридизируемую языковую модель заявленного текстового пространства, необходимо:

- 1) проанализировать посредством ситуативной (сценарной) методики текст;
- 2) рассмотреть (на основе анализа) лингвосмысловое пространство, содержащее (в том числе в результате метаязыкового влияния) смысловой код;
- 3) обозначить лингвистические признаки коммуникативного концепта <словесное оскорбление> в определённом типе дискурса.

Лингвоправовое пространство – совокупность лингвистических и дискурсивных средств, объективирующих единую коммуникативно-прагматическую установку автора на формирование негативного социального образа адресата-

персонажа с целью унижения его чести, умаления достоинства и репутации. По нашему мнению, исследуемая категория конфликтогенного текста является лингвоментальной и характеризуется единой модально-оценочной составляющей и особой концептосферой с базовым концептом <словесное оскорбление>.

Компоненты лингвоправового пространства:

– коммуникативно-прагматическая установка говорящего на корректировку социального образа адресата-персонажа. Смыслообразующим принципом формирования лингвоправового пространства являются речевые сценарии иронии, насмешки, разоблачения, порицания, обличения и т.д.;

– единая модально-оценочная составляющая, объективируемая модально-оценочными пропозициями, негативными оценочными лексемами, ключевыми словами и группирующимися вокруг них парадигмами, вызывающими рефлексии в форме – «бросить тень» на адресата;

– концептосфера с базовым концептом <словесное оскорбление>;

– коммуникативные стратегии и тактики, реализующие концептосферу конфликтного дискурса.

Лингвоправовое пространство представляет реализацию информации и метаинформации (способов раскодирования) субъекта речи, средством выражения его жизненных установок, позиций, взглядов, ценностных предпочтений и намерений. Лингвоправовое пространство можно смоделировать как уровневую структуру языковых и собственно дискурсивных средств, состоящую из ядерного, маргинального и периферийного уровней и формирующее вместе с невербальными средствами смысловое поле текста.

1. Ядерный уровень составляют конвенциональные юридизируемые средства, влияющие на формирование и выражение концептуальных признаков оскорбления и угрозы (среди них можно выделить доминантные).

Из материалов протокола допроса потерпевшего N известно, что во время работы судебных приставов («принудительного привода») задержанный F публично оскорблял NN («козлы», «пид...сы», «нацепили погоны», «морды отъели», «вам всё позволено»), а также угрожал им физической расправой («Я тебе разобью голову и выпущу кишки»/ «Если встретимся в баре, то я тебя изобью»). Реализации речевой агрессии подчинены инвективы («козлы», «пид...сы»), явно представлена речевая тактика угрозы в высказываниях – «Если встретимся в баре, то я тебя изобью», демонстрация собственного могущества и вседозволенности, уверенность в безнаказанности за свои слова и поступки во фразе «Я тебе разобью голову и выпущу кишки». Здесь вербальную агрессию можно рассматривать как интериоризацию поступка. Как известно, интериоризацией называют преобразование внешних по форме процессов в процессы, происходящие в сознании, причём эти последние вербализуются, сокращаются и обретают способность к эволюции [Жельвис, 2001]. Это означает, что словами иной раз можно добиться даже большего, чем соответствующим физическим действием, например, ударом, не говоря уже о том, что «экстериоризация поступка» (тот же удар) в ряде случаев может оказаться невозможной и словесное выражение эмоций является единственным доступным способом их материализации [Голев, 2000].

Угроза реализуется через класс отрицательно-эмотивных высказываний, в которых отношения коммуникантов и их эмоциональное состояние отражается вербальными и/или невербальными средствами. Участник конфликта N создает особое коммуникативно-прагматическое пространство (контекст), которое характеризуется определенными признаками, типичными для речевого воздействия

данного типа. Используя угрозу, говорящий стремится добиться от слушающего выполнения определенных требований, управляя его поступками.

2. Маргинальный уровень – промежуточный между ядерным и периферийным уровнями. Его составляют языковые средства, объективирующие варианты смыслов, двусмысленность, языковые средства, маркирующие другие стили (просторечие, жаргон, аргумент), лексемы с диффузным значением, со смещённым оценочным компонентом значения и т.п. Например, в публицистическом дискурсе имплицитность высказывания формирует своего рода «защиту» («иллюзорную недостижимость») для журналиста. Сведения, которые преподносят читателям и адресату-персонажу в скрытой (также подтекстовой, пресуппозитивной) форме необходимо восстанавливать, используя трансформационную, сценарную методику [Третьякова, 2000]. Проиллюстрируем вышесказанное. Подзаголовок «*Неужели и детский отдых стал кормушкой?*» представляет собой оценочное утверждение в подтекстовой форме. Информацию можно соотнести с действительностью (проверить, кто и как использует детский отдых в своих интересах). За словом «*кормушка*» стоит вполне определённая денотативная ситуация, в которой можно выделить следующие пропозиции (утверждения о чём-либо): 1) некто что-то приобретает для себя (событийная пропозиция), 2) некто приобретает что-то для себя неблагоприятными способами, нарушая законы (модальная пропозиция), 3) некто использует своё служебное положение, пользуется бесконтрольностью (модальная пропозиция), 4) поведение этого некто (субъекта) порицается обществом, считается аморальным и противозаконным (оценочная пропозиция). Так в пресуппозитивной форме утверждается, что некто использует своё служебное положение в корыстных целях. То, что этот *некто* является S2, автор определённо сообщает в статье «*Детей пиллят*» [«Правда Северо-Запада» от 20 мая 2008 г.].

3. Периферийный уровень составляют нерегулярные, окказиональные юридизируемые средства. Степень юридизации этих средств наименьшая (внутренняя форма, мотив, намерение, оценка, некорректное мнение, заголовки, сценарии и т. п.). Например, автор в качестве подзаголовка использовал выражение «*Факью, факел*» [«Защита прав граждан» от 24 апреля 2012 года № 7 (36), статья «ТСЖ – аферисты»]. Необходимо отметить, что реализуемая тактика посылки недопустима в печатном тексте (форма высказывания неприличная). Автор переходит порог стилистической оправданности и проявляет тем самым неуважение к читателям. Однако неприличная форма этого высказывания свидетельствует о речевом хулиганстве, а не об оскорблении конкретной личности.

В структуре лингвоправового пространства концентрация юридизируемых языковых средств, в том числе невербальных, означает интенсификацию процесса смыслопорождения в концепции автора. Все средства связаны функционально, взаимодействуют, уточняя друг друга, дополняя, конкретизируя. Все они «работают» на выражение ведущей идеи – сценария.

Меньшая степень юридизации поглощается большей, что усиливает, интенсифицирует процесс юридизации в целом, повышает значимость текста. Границы между уровнями подвижны. Такие дискурсивные средства, как цитаты, метавставки (комментирующие, оценочные, дополняющие), анализ фактов, указание на источник информации, двойное кодирование, смешивание дискурсов и т.п. не подвергаются юридизации, но используются для актуализации концептуально значимого смысла, как средство интеллектуального и эмоционального воздействия (например, план текста – план сносок) [Сидорова, 2006]. Их можно назвать фоном юридизации. Процесс юридизации может быть представлен как коммуникативное развитие знака в лингвоправовом пространстве дискурса: его содержание становится шире, глубже,

многограннее, чем в системе языка, и он приобретает (или нет) дискурсивное свойство *юридизированности*.

Очевидно, что при любом понимании лингвоправовое пространство многомерно, подвижно, изменчиво, его невозможно структурировать, по крайней мере, однозначно. Вместе с тем в ракурсе конкретного предмета исследования в лингвоправовом пространстве можно с определенной долей условности обозначить **сферы**, с данным предметом связанные:

1. Непосредственно конфликтный текст или речевая сфера той или иной конфликтной ситуации (например, перебранка). Границы этой сферы определяются в соответствии с конкретным дискурсом и параметрами конкретной речевой ситуации (например, бытовая конфликтная ситуация).

2. Оценочная сфера пространства рассматривается нами как актуальная для данного коммуникативного акта система оценок каждого из коммуникантов (оскорбительность). Оценочная сфера включается в эмотивное пространство как части лингвоправового пространства. Составляющими эмотивного пространства, в свою очередь, являются эмоции участников речевого акта, эмоциональные оценки, эмоциональное воздействие друг на друга, а в публицистическом тексте – эмоциональное воздействие на читателя. Для публицистического текста важным компонентом эмотивного пространства становится эмотивная тональность, эмотивный фон и эмотивный подтекст. Взаимодействие коммуникантов в данной сфере происходит как при непосредственной (межличностной), так и при опосредованной коммуникации (например, через СМИ), когда не происходитмены коммуникативных ролей адресанта и адресата.

3. Когнитивная сфера пространства – это система ключевых концептов (например, концепта «оскорбления»), актуального для данного конфликтного акта – перебранка, ругань, разоблачение, обвинение и т. д.; фрагменты лингвоправовой картины мира, которые репрезентируется адресантом и адресатом в рамках определённого дискурса посредством актуализации тех или иных структур знаний.

Таким образом, лингвоправовое пространство – такой вид коммуникативного пространства, в котором постоянно существует реальная либо потенциальная зона возникновения конфликта. Юридизация языковых средств осуществляется именно в рамках лингвоправового пространства дискурса. Следует иметь в виду, что в публицистическом дискурсе основу лингвоправового пространства составляют юридизированные единицы, репрезентирующие знания о мире сквозь когнитивную составляющую картины мира и отражающие способ восприятия мира человеком: прецедентные тексты, фразеологические единицы, этнокультурные метафоры, прототипические образы русского культурного пространства, стереотипные оценки явлений, фактов, событий, индивидов посредством культурных оппозиций «своё – чужое», «добро – зло» и т. п. В бытовом дискурсе основу лингвоправового пространства составляют ядерные единицы функционально-семантического поля неприличности.

Реконструкция лингвоправового текстового пространства позволит определить основную интенцию автора и/или коммуникативное намерение говорящего (если текст представляет собой запись устной речи), описать нюансы значений инвективной лексики, так как при определённых ситуациях бранные лексемы могут менять свою направленность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Голев, Н. Д.** Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и

- юридическом бытии. – Барнаул, 2000.
2. **Жельвис, В. И.** Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – М., 2001.
 3. **Сидорова, Т. А.** Актуализация речевой агрессии как признак юридикации текстовых единиц / Т. А. Сидорова // Язык современных СМИ: основные проблемы и тенденции. Материалы научно-практической конференции. – Н. Новгород, 2006. – С. 15–19.
 4. **Третьякова, В. С.** Конфликт глазами лингвиста / В. С. Третьякова // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.
 5. **Чернышова, Т. В.** Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы. – Барнаул, 2002.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Гурманидзе, А.** Детей пият / А. Гурманидзе // «Правда Северо-Запада», выпуск от 20 мая 2008 года (№20). – С. 4.
2. **Рамазанов, Д.** ТСЖ – аферисты / Д. Рамазанов // «Защита прав граждан», выпуск от 24 апреля 2012 года № 7 (36), стр.1.

Фрагмент материалов протокола допроса по уголовному делу.